

Демографическая культура молодежи в системе жизненного планирования

Жанна Олеговна Благорожева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия
Контакт для переписки: blagorozheva@bsuedu.ru

Аннотация. Статья подготовлена по результатам ежегодного социологического мониторинга «Социальные стратегии молодежи». Исследование проводилось методом онлайн-опроса молодежи Белгородской области ($N = 5\,847$), выборка квотная по полу, возрасту, типу поселения. Анализируя место и роль демографической культуры молодежи в системе жизненного планирования, мы обращаемся к следующим индикаторам: матримониальным стратегиям, самосохранительным стратегиям, миграционным стратегиям, карьерным стратегиям, образовательным стратегиям. Первые три типа стратегий образуют структурные элементы демографической культуры, последние опосредуют формирование демографической культуры. В статье делается вывод, что, несмотря на позитивные индикаторы сформированности демографической культуры молодежи Белгородской области, есть и проблемы. Матримониальный компонент демографической культуры характеризуется желанием вступить в брак, создать семью, но не ориентирован на многодетную семью. Самосохранительный компонент демографической культуры отражает желание молодежи следить за своим здоровьем (заниматься спортом, правильно питаться, проходить диспансеризацию) и прожить долгую жизнь. Миграционный компонент демографической культуры носит самый противоречивый характер, так как в нем пересекаются две стратегии: оседлый тип и межрегиональный тип. На наш взгляд, особая значимость изучения демографической культуры молодежи проявляется в контексте социальной, молодежной и семейной политики, с целью организации системы ее развития и поддержки.

Ключевые слова: демографическая культура, молодежь, жизненные стратегии, социальные стратегии, матримониальные стратегии, самосохранение, миграция

Цитирование: Благорожева Ж. О. 2026. Демографическая культура молодежи в системе жизненного планирования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 6–24. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-6-24>

Поступила 05.03.2026; одобрена 04.05.2026; принята 08.05.2026

Youth demographic culture in the life planning system

Zhanna O. Blagorozheva✉

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Corresponding author: blagorozheva@bsuedu.ru✉

Abstract. This article is based on the results of the annual sociological monitoring “Social Strategies of Youth”. The study was conducted using an online survey of young people in the Belgorod Region (N = 5 847). The sample was quota-based on gender, age, and settlement type. In analyzing the place and role of youth demographic culture in life planning, we consider the following indicators: matrimonial strategies, self-preservation strategies, migration strategies, career strategies, and educational strategies. The first three types of strategies form the structural elements of demographic culture, while the latter mediate its formation. The article concludes that, despite positive indicators of the development of demographic culture among young people in Belgorod Region, there are also issues. The matrimonial component of demographic culture is characterized by a desire to marry and start a family, but is not oriented toward large families. The self-preservation component of demographic culture reflects young people’s desire to take care of their health (exercise, eat healthy, undergo medical checkups) and live a long life. The migration component of demographic culture is the most controversial, as it intersects two strategies: the sedentary type and the interregional type. In our view, studying the demographic culture of young people is particularly important in the context of social, youth, and family policy, with the aim of organizing a system for its development and support.

Keywords: demographic culture, youth, life strategies, social strategies, matrimonial strategies, self-preservation, migration

Citation: Blagorozheva, Zh. O. (2026). Youth demographic culture in the life planning system. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 6–24. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-6-24>

Received Mar. 5, 2026; Reviewed May 4, 2026; Accepted May 8, 2026

Введение

Молодежь, являясь целевой социально-демографической группой, отвечает за развитие социального, культурного, демографического капитала общества, составляет фундамент благополучия государства. Основой изучения молодежи в социальном пространстве являются ее жизненные планы. Под системой жизненного планирования молодежи можно понимать целенаправленный процесс самоорганизации жизнедеятельности личности через осознанную систему жизненных смыслов, ценностей, целей и выработку жизненных стратегий и тактик [Самыгин и др., 2021].

Говоря о системе жизненного планирования молодежи, мы придерживаемся концепции И. С. Шаповаловой, в которой выделяются 12 социальных стратегий молодежи [Шаповалова, 2023; Шаповалова, Заводян, 2024] (см. рис. 1).

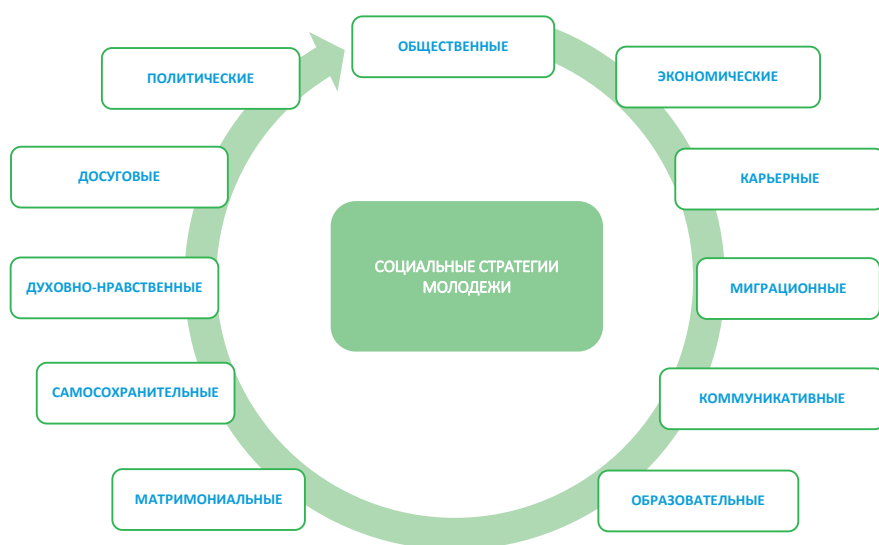

Рис. 1. Социальные стратегии молодежи

Fig. 1. Social strategies of the youth

В контексте изучения жизненных планов молодежи особое место занимает демографическая культура молодежи, которая формируется в рамках матримониальных, самосохранительных, миграционных стратегий. Кроме того, есть и обратная корреляция: демографическая культура молодежи оказывает значительное влияние на формирование и реализацию карьерных, образовательных, экономических стратегий. Демографическая культура молодежи играет важную роль в системе жизненного планирования. Она включает в себя знания, ценности, установки и модели поведения, связанные с населением, его структурой, процессами воспроизводства, миграции и другими демографическими аспектами. Изучение и понимание влияния демографической культуры на жизненные планы молодежи необходимо для разработки и реализации программ поддержки и развития молодежи.

Актуальность изучения демографической культуры молодежи определяется не только национальной идеей Российской Федерации, но и необходимостью развития человеческого капитала. Систематическое сокращение рождаемости может привести к регрессивному типу воспроизводства населения. Критическими показателями в данном случае будут являться утрата демографического потенциала роста, увеличение расходов на обеспечение людей пенсионного возраста, высокая экономическая и трудовая нагрузка.

Анализируя статистические показатели брачности (табл. 1) и рождаемости (табл. 2), можно отметить, что общий коэффициент брачности показывает волнообразную динамику, как на федеральном, так и на региональном уровне. Пик значений пришелся на 2022 г. (возможно, связан с отложенными браками после пандемии), затем наблюдается спад. В целом значения по области близки к общероссийским, но в 2022 г. даже превысили их. Брачность остается нестабильным показателем, чувствительным к социально-экономическим и эпидемиологическим условиям. Снижение в 2023–2024 гг. может говорить о накопленной неопределенности, экономических трудностях или изменении моделей семейного поведения. Снижение числа браков может в перспективе повлиять на рождаемость, так как в России большинство рождений происходит в зарегистрированных браках.

Табл. 1. Общий коэффициент брачности (РФ и Белгородская область)
Table 1. Total marriage rate in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ	Белгородская область
2020	5,3	4,8
2021	6,3	6,2
2022	7,2	7,4
2023	6,5	6,7
2024	6,0	5,7

При этом суммарный коэффициент рождаемости имеет четкую тенденцию к снижению, причем в Белгородской области она более интенсивная. Уровень рождаемости недостаточен для простого воспроизводства населения, при этом ситуация в Белгородской области особенно тревожна: здесь рождаемость падает быстрее, чем на федеральном уровне. Основные последствия выражаются в сокращении трудоспособной доли населения, росте демографической нагрузки на работающих, рисках для пенсионной системы и рынка труда.

Табл. 2. Суммарный коэффициент рождаемости (РФ и Белгородская область)
Table 2. Total birth rate in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ	Белгородская область
2020	1,47	1,22
2021	1,47	1,26
2022	1,42	1,16
2023	1,41	1,12
2024	1,40	1,07

Показатели смертности и продолжительности жизни также имеют свою динамику и специфику (табл. 3, 4). На федеральном уровне мы видим, что общий коэффициент смертности падает, а средняя продолжительность жизни как у мужчин, так и у женщин растет. Безусловно, такие изменения нельзя назвать идеальными, но они имеют положительную динамику.

Табл. 3. Общий коэффициент смертности (РФ и Белгородская область)
Table 3. Total mortality rate in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ	Белгородская область
2020	14,5	15,5
2021	16,6	18,2
2022	12,9	14,2
2023	12,1	13,4
2024	12,5	14,1

Региональные показатели носят спорный характер, связанный прежде всего со статусом Белгородской области как приграничного региона. Общий коэффициент смертности превышает федеральный и имеет тенденцию к возрастанию, при этом продолжительность чуть выше, чем федеральный показатель.

Табл. 4. Ожидаемая продолжительность жизни (РФ и Белгородская область)
Table 4. Life expectancy in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ		Белгородская область	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
2020	76,4	66,0	78,3	68,3
2021	74,5	66,7	74,6	67,6
2022	77,8	65,7	78,4	67,7
2023	78,7	67,6	78,4	68,5
2024	78,3	68,0	79,2	68,1

Важно отметить, что высокая смертность в сочетании с низкой рождаемостью ускоряет естественную убыль населения, особенно в регионах. Однако, несмотря на более высокую смертность, в области живут дольше — это может говорить о лучшем качестве жизни, экологии, доступности медицины для некоторых групп. Важно учитывать, что рост продолжительности жизни при низкой рождаемости усиливает старение населения, но и может повышать качество человеческого капитала, если сопровождается здоровым старением.

Миграционные показатели федерального уровня также имеют положительную динамику, а вот региональный показатель имеет тенденцию к убыли населения (табл. 5). Миграция компенсирует естественную убыль в РФ, но в области происходит обратное: отток усугубляет демографические проблемы. Отток населения в Белгородской области

также связан со статусом региона — приграничным. Особенно критичным в данном случае для региона является сокращение населения, потеря трудоспособной молодежи, экономические риски.

Табл. 5. Показатели миграционного прироста/убыли (РФ и Белгородская область)
Table 5. Migration growth/decline rates in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ	Белгородская область
2020	106 474	3 853
2021	429 902	6 436
2022	61 917	–11 116
2023	203 629	–3 649
2024	568 500	–11 708

Цель исследования — на основе эмпирических данных выявить и охарактеризовать состояние демографической культуры молодежи Белгородской области (матримониального, самосохранительного и миграционного компонентов), определить их место в системе жизненного планирования (во взаимосвязи с карьерными и образовательными стратегиями), а также зафиксировать ключевые проблемы.

Обзор литературы

Центральным понятием нашей работы является «демографическая культура». Исследование демографической культуры молодежи имеет проблемы как теоретического, так и эмпирического уровней.

На теоретическом уровне отсутствует многообразие подходов к объекту исследования. Прямое упоминание демографической культуры присутствует в работе коллектива авторов Л. В. Журавлевой, Е. В. Зарубиной, В. А. Ручкина, Н. Н. Симачковой, И. П. Чупиной. По мнению исследователей, демографическая культура — это специфический способ развития человеческого потенциала, который базируется на социальных нормах, национальных традициях и демографической ситуации в конкретном регионе [Журавлева и др., 2023].

Б. С. Павлов не дает точного определения демографической культуре, но говорит в своей работе о культуре демографического поведения. Культура демографического поведения — это система социальных норм, ценностей и ориентиров, которые определяют поведение в сфере воспроизводства населения [Павлов, Соколова, 2009].

К структурным компонентам культуры демографического поведения относят: репродуктивное поведение, брачное поведение, самосохранительное поведение, миграционное поведение [Комабарова, 2008]. Мы частично согласны с данным подходом, но всё же считаем, что если говорить о демографической культуре, то данный феномен будет чуть шире. Кроме того, опираясь на концепцию И. С. Шаповаловой, можем говорить о следующем содержании демографической культуры: матримониальные стратегии, самосохранительные стратегии, миграционные стратегии (рис. 2).

Интересными в контексте изучения демографической культуры молодежи являются исследования в области брачности и матримониального поведения [Ростовская, 2015; Вишневецкий и др., 2024], родительства и репродуктивных установок [Багирова, Шубат, 2017], миграционных установок и планов [Болдина, 2021; Ромашева и др., 2021], самосохранительных намерений [Локосов и др., 2024]. Особый интерес представляет работа Т. К. Ростовской и Е. Н. Васильевой [Ростовская, Васильева, 2024], в которой раскрываются брачные, репродуктивные и самосохранительные стратегии членов студенческих семей.

Относительно демографической культуры матримониальные стратегии могут выступать как формируемый и реализуемый в определенных условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями. Позиция молодежи относительно матримониальных диспозиций носит волновой характер, что можно связать со сменой поколений [Шаповалова, 2024]. Перевес молодежи, выбирающей традиционную семью и ценности, достаточно небольшой [Благорожева, 2024].

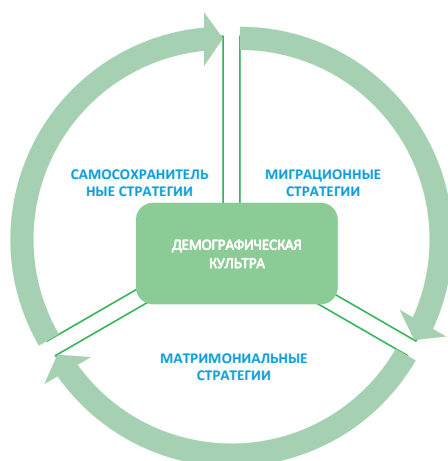

Рис. 2. Структура демографической культуры

Fig. 2. Structure of demographic culture

Современные демографы изучают взаимосвязь брачности и рождаемости с позиции истолкования смены типов семьи (от безразводной многодетной до добровольно бездетной) [Гурко, 2014].

Репродуктивное поведение можно считать одним из важнейших показателей демографической культуры, так как оно является ключевым фактором, который сможет улучшить демографическую ситуацию в стране [Гареева, 2023]. Репродуктивные установки молодежи, характеризующиеся откладыванием рождения ребенка при вступлении в брак, являются угрозой не просто росту рождаемости, но и сохранению имеющегося на сегодня уровня естественного воспроизводства населения [Ростовская и др., 2022]. По нашему же мнению, такая позиция среди молодых людей может свидетельствовать о несформированной демографической культуре.

Самосохранительные стратегии характеризуют систему действий и установок личности, направленных на сохранения здоровья. Важным фактором ориентации на эффективные самосохранительные стратегии молодежи можно считать жизненные планы молодежи на долголетие [Шаповалова, Ковальчук, 2025]. В настоящее время здоровье выступает необходимым условием успешного функционирования в современном обществе, а самосохранительное поведение молодежи позитивно ориентировано на обеспечение возможности достижения поставленных жизненных целей [Малышкина и др., 2023]. Позитивные практики самосохранения могут свидетельствовать о достаточно высоком уровне демографической культуры.

Миграционные стратегии в рамках формирования демографической культуры отражают конкретные решения и действия индивида по смене местожительства. Молодежная миграция носит внутрироссийский характер в целом и внутрирегиональный в частности. Для молодого населения малых городов характерна внутренняя миграция по направлению «малый город (село) — крупный город / мегаполис» [Грунт и др., 2023].

На основе анализа теоретических источников можно сделать вывод, что компоненты демографической культуры являются достаточно изученными в теоретическом и практическом поле. Однако в современной науке практически отсутствует комплексный подход к демографической культуре. В связи с этим, *научная новизна исследования* заключается в теоретическом обосновании трехкомпонентной структуры демографической культуры (матримониальный, самосохранительный, миграционный компоненты), показана ее встроенность в систему жизненного планирования через различение базовых и опосредующих стратегий, представлены данные, позволяющие эмпирически измерять каждый компонент, что применено к специфике приграничного региона.

Материалы и методы

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга «Социальные стратегии молодежи Белгородской области», который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 г. В качестве метода исследования был использован онлайн-опрос с привлечением рекрутеров, организующих взаимодействие с респондентами. Такой метод позволил снизить количество отказов респондентов, обеспечить репрезентативность региональной выборки, в том числе с привлечением молодежи из труднодоступных и закрытых территорий области (приграничные зоны). В статье представлены результаты Мониторинга за 2024 г. Объем выборочной совокупности — 5 847 человек. Выборка квотная по полу, возрасту, типу поселения. Соотношение респондентов по полу: мужчины — 41,5%, женщины — 58,5%. Распределение респондентов по возрастным группам характеризуется следующими квотами: 14–15 лет — 7,4%, 16–17 лет — 26,5%, 18–21 лет — 44,7%, 22–25 лет — 10,9%, 26–30 лет — 3,8%, 31–35 лет — 6,7%. По типу поселения выделены следующие квоты респондентов: крупный город — областной центр — 40,4%, небольшой город — районный центр — 27,8%, поселок, сельское поселение, деревня — 31,7%. Данная структура выборки обеспечивает репрезентативность по ключевым социально-демографическим параметрам и позволяет проводить полноценный анализ. Показателями иссле-

довательской модели Мониторинга выступили экономическая, политическая, карьерная, матримониальная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная стратегии (в статье представлены результаты только по миграционной, матримониальной, самосохранительной, образовательной и карьерной). В качестве индикаторов для каждой стратегии были продиагностированы типы стратегических диспозиций, направления жизненного планирования (жизненные стратегии), ключевые и ценностные диспозиции. Операционализация типов, положенная в основу типологии для каждой стратегии, основана на возможных вариантах отношения к данной стратегии или ее ценностному ядру (например, семья и дети для матримониальных стратегий, здоровье — для самосохранительных, миграционные ориентации для миграционных). В вопросах, касающихся типологии стратегических диспозиций, молодым респондентам предлагались вопросы определения ведущей жизненной установки относительно стратегии, которая определяла бы их дальнейшее поведение (предлагалось ответить на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?»). Выборы по данному вопросу были даны в закрытой форме и на альтернативной основе (не предусмотрено множественного выбора и открытых вариантов ответов). Это позволило получить более четкую структуру типов для региональной молодежи.

Вопросы, касающиеся жизненного планирования, были даны в табличной форме, с обязательной оценкой каждого выбора по шкале «обязательно», «желательно», «не обязательно». Инструкция к вопросу звучала следующим образом: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где „обязательно“ значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия (если Вы уже реализовали какие-то из предложенных вариантов, отметьте их как обязательные)».

В отличие от предыдущих волн Мониторинга, в которых анализировались отдельные социальные стратегии, этап 2024 г. впервые нацелен на интегральный анализ демографической культуры как системы, объединяющей матримониальные, самосохранительные и миграционные стратегии. Предыдущие этапы позволили зафиксировать устойчивые тренды в жизненных стратегиях молодежи, но не ставили перед собой задачи оценить взаимосвязь стратегий в рамках единой демографической культуры.

Результаты и обсуждения

Анализируя место демографической культуры в системе жизненного планирования молодежи, основными показателям являются матримониальные стратегии молодежи. Согласно полученным данным, можно сказать, что большая часть молодежи придерживается традиционного взгляда на брачные отношения (62,6%). Более свободное восприятие семьи присутствует только у четверти молодых респондентов (26,2%). При этом ориентацию на саморазвитие с отказом от семьи можно наблюдать лишь у 8,1% респондентов, сознательный отказ от семьи наблюдается у 3,1%. В данном случае мы видим, что среди молодежи есть значительная ориентация на традиционные ценности, но, на наш взгляд, это касается в большей степени брачных отношений (рис. 3).

Говоря о репродуктивных планах, можно отметить, что молодые люди в большей степени ориентированы на одного ребенка (выбор «обязательно» — 50,6%). Не состоявши-

мися в жизни, не имея двоих детей, будут считать себя лишь треть респондентов (выбор «обязательно» — 30,6%). Важным является то, что молодежь вообще не ориентирована на многодетную семью (выбор «обязательно» — 13%). В связи с этим мы считаем, что молодежь ориентирована на заключение брака, но не на рождение детей (рис. 4).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (матримониальные стратегии)

Fig. 3. Distribution of answers to the question "Which group do you belong to?" (matrimonial strategies)

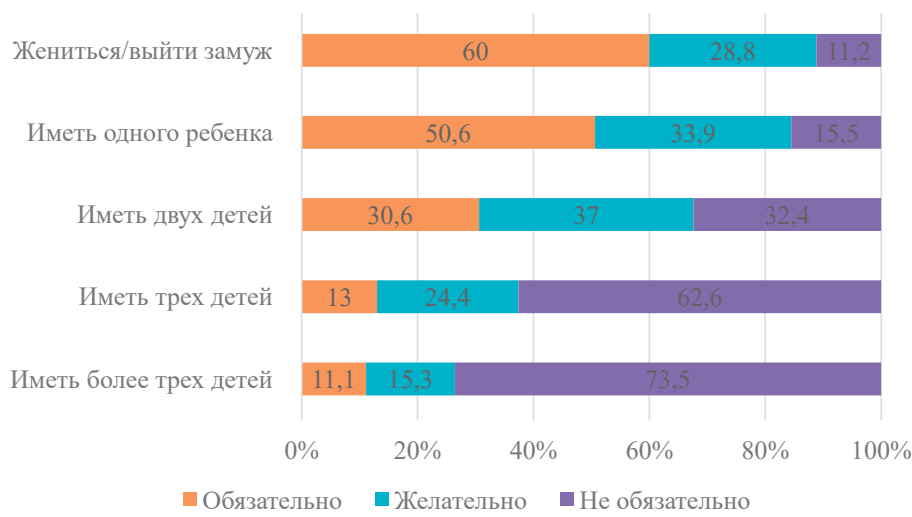

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где „обязательно“ значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия» (матримониальные стратегии)

Fig. 4. Distribution of answers to the question "How important is it for you to take the following steps in the future, where 'necessary' means that you will not consider yourself successful in life without fulfilling this condition?" (matrimonial strategies)

Подход к анализу самосохранительных стратегий основывается на типологии относительно поведенческого компонента. Так, можно выделить четыре типа самосохранительных диспозиций: сознательный, осознающий, перспективный, несознательный [Шаповалова, Ковальчук, 2025]. Согласно результатам проведенного исследования, можно отметить, что почти половина респондентов относится к осознающему типу (44,8%), то есть понимает ценность здоровья, старается вести здоровый образ жизни. Чуть больше трети молодых людей (36,6%) являются приверженцами сознательного типа: следят за своим здоровьем, регулярно занимаются спортом, проходят диспансеризацию. Данные результаты свидетельствуют о достаточно положительной тенденции в самосохранении (рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (самосохранительные стратегии)

Fig. 5. Distribution of answers to the question "Which group do you belong to?" (self-preservation strategies)

Оценивая реализацию самосохранительных стратегий молодежи региона, мы видим, что больше чем для половины обязательными являются следующие шаги: занятия спортом (61,0%), не курить (64,2%), не употреблять алкоголь (61,5%), а примерно для половины обязательным является придерживаться правильного питания (52,7%), посещать поликлинику, проходить диспансеризацию (53,4%), дожить до 70 лет (55,3%). На наш взгляд, всё это свидетельствует о достаточно ответственном отношении к своему здоровью среди молодежи и сформированной демографической культуре относительно самосохранения (рис. 6).

Не менее важным показателем демографической культуры молодежи в системе жизненного планирования являются миграционные стратегии. В рамках выбора молодежью миграционной стратегии можно отметить, что половина респондентов относится к переезду достаточно легко и готова к смене места жительства (49,7%). Оседлый тип миграционных диспозиций характерен для 35,5% молодежи, являясь вторым по популярности. Переезд в мегаполисы интересует 10,7% молодежи, а переезд за границу — 4,3% (рис. 7).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где „обязательно“ значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия» (самосохранительные стратегии)

Fig. 6. Distribution of answers to the question “How important is it for you to take the following steps in the future, where ‘necessary’ means that you will not consider yourself successful in life without fulfilling this condition” (self-preservation strategies)

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (миграционные стратегии)

Fig. 7. Distribution of answers to the question “Which group do you belong to?” (migration strategies)

Однако миграционные стратегии молодежи Белгородской области носят достаточно нестабильный характер (на наш взгляд, это связано с обстановкой в регионе), так как если оценивать обязательные выборы молодежи относительно миграции, то они не пре-

вышают и четверти. Так, сменить место жительства внутри своего региона хотели бы только 21,2%, переехать в другой регион — 16,9%, уехать в страны Востока — 9,4%, уехать в страны Запада — 8,5% (рис. 8).

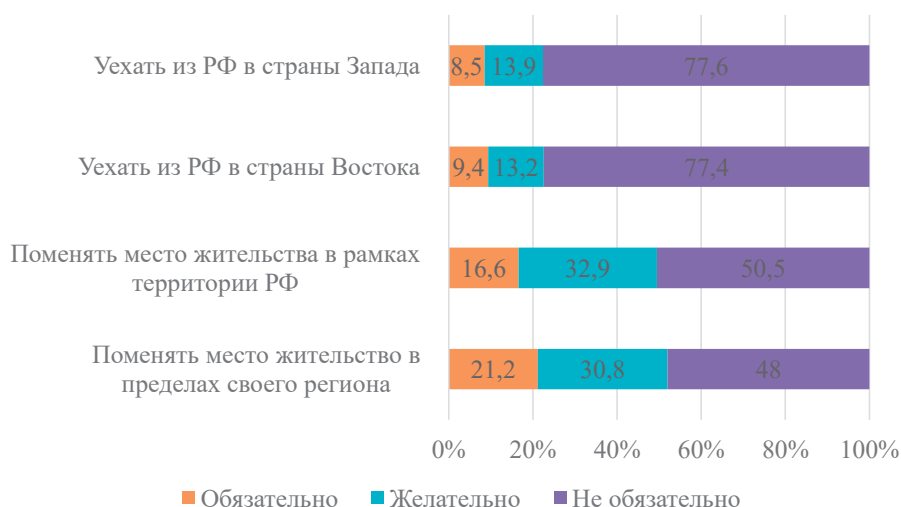

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где „обязательно“ значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия» (миграционные стратегии)

Fig. 8. Distribution of answers to the question “How important is it for you to take the following steps in the future, where ‘necessary’ means that you will not consider yourself successful in life without fulfilling this condition” (migration strategies)

Тем не менее мы считаем, что оценка миграционных стратегий относительно сформированности демографической культуры имеет спорный характер. С одной стороны, миграционные потоки обеспечивают замещение населения и его воспроизводство, с другой стороны, относительно Белгородской области высокий уровень миграции, особенно молодежной, может привести к демографической проблеме. Вместе с тем мы не можем не учитывать приграничную специфику региона, понимая, что в некоторых случаях смена местожительства — вынужденная мера.

В современных исследованиях в области демографии особое внимание уделяется противостоянию между семьей и карьерой. Карьерные стратегии органично вписываются в социальные стратегии молодежи и безусловно отражают реализацию как matrimониальных, так и миграционных стратегий. Относительно нашего исследования, мы также обратим внимание на типологию карьерных диспозиций. Тревожным показателем является то, что большая часть региональной молодежи (38,1%) значительно ориентирована на карьеру и готовы делать почти всё для достижения успеха. Однако ситуацию сглаживает то, что вторая по популярности — группа молодежи, которая не готова жертвовать ничем ради карьеры (26,6%). Третья группа молодежи вообще не ориенти-

рована на карьеру (17,8%). Последняя группа (17,7%) в целом пессимистично относится к карьерному росту, не видя возможностей для реализации своего потенциала (рис. 9). Безусловно, мы понимаем и замечаем, что в некоторых случаях молодежь ориентирована на карьеру с целью увеличения дохода и обеспечения семьи, но потенциальный отказ от создания семьи и рождения детей не может не беспокоить.

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (карьерные стратегии)

Fig. 9. Distribution of answers to the question "Which group do you belong to?" (career strategies)

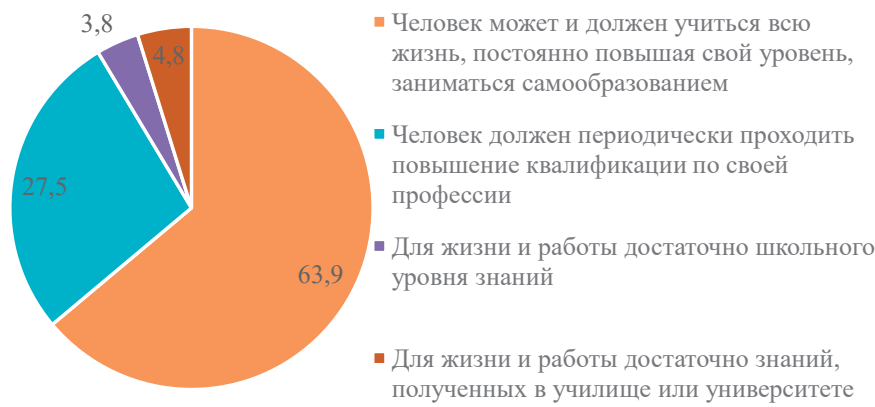

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (образовательные стратегии)

Fig. 10. Distribution of answers to the question "Which group do you belong to?" (educational strategies)

Еще хотим обратиться к образовательным стратегиям, они обычно коррелируют с карьерными и также ставятся в приоритет. Здесь мы уже наблюдаем достаточно сильную

ориентацию на образование. 63,9% респондентов считают, что человек должен учиться всю жизнь и заниматься самообразованием. Чуть меньше трети (27,5%) молодых респондентов ориентированы только на повышение квалификации по своей профессии, в то время как 4,8% считают, что университетского образования достаточно, а 3,8% — школьного (см. рис. 10). Рисковым фактором в данном случае может являться отказ от деторождения в благоприятном возрасте в пользу получения образования.

Таким образом, мы можем видеть, что у молодых людей, проживающих в Белгородской области, демографическая культура достаточно сформирована и развита, но остаются спорные моменты. Можно говорить, что в системе жизненного планирования она занимает значимую часть, но диспозиции, установки и действия соотносятся с показателями федерального уровня.

Практические акценты (по результатам мониторинга)

Результаты Мониторинга, проводимого с 2018 г., позволяют сделать определенные акценты на основе эмпирических данных и сформулировать практические рекомендации в области социальной, молодежной и семейной политики. В динамике возрастает приверженность молодежи к традиционному браку, но сохраняется устойчивое расхождение между высокой брачной ориентацией молодежи и отсутствием установки на многодетность (доля считающих трех детей обязательным условием жизненной успешности не превышала 15%). Это обосновывает необходимость смещения акцентов в молодежной политике с пропаганды брака как такового на формирование позитивного образа многодетной семьи. Рост миграционных настроений указывает на потребность в адресных мерах удержания молодежи в приграничном регионе. На основе позитивных самосохранительных установок молодежи целесообразно усилить меры по доступности диспансеризации и спортивных объектов, а также включить модули по здоровьесбережению в образовательные программы.

Заключение

Демографическая культура является одним из ключевых компонентов жизненных стратегий молодежи, включая в себя матримониальные стратегии, самосохранительные стратегии, миграционные стратегии. Несмотря на то что в каузальном отношении можно говорить о существовании двусторонней связи, с одной стороны, социальные стратегии разных направлений могут влиять на формирование и реализацию определенной стратегии, с другой, сформированность определенных установок, планов, влияет на аналогичные элементы других социальных стратегий. В связи с этим значительное влияние на стратегии, входящие в демографическую культуру, в большей степени, на наш взгляд, влияют карьерные, образовательные.

Проведенный анализ позволил полностью реализовать цель исследования: охарактеризовано состояние трех компонентов демографической культуры региональной молодежи, установлены их противоречия (высокая брачная ориентация при отсутствии установки на многодетность, позитивные самосохранительные практики на фоне

ухудшающейся смертности, сочетание оседлых и миграционных диспозиций), а также показана опосредующая роль карьерных и образовательных стратегий в системе жизненного планирования.

По представленным результатам исследования, демографическую культуру молодежи Белгородской области в системе жизненного планирования можно охарактеризовать скорее позитивно, но определенные компоненты требуют развития. Мы видим, что региональная молодежь ориентирована на вступление в брак, поддерживает традиционные ценности и традиционную семью, но не ориентирована на многодетность. Здесь мы видим достаточно спорный вопрос о сформированности демографической культуры. Более благоприятный показатель — самосохранительные стратегии. Важной остается ориентация молодых людей на заботу о своем здоровье, стремление к увеличению продолжительности жизни. Миграционные стратегии, на наш взгляд, характеризуются спорным показателем: с одной стороны, мы отмечаем желание на смену места жительства (связанную, вероятнее всего, с геополитической обстановкой), с другой стороны, на закрепление в регионе ориентированы чуть больше трети молодых людей.

Данные показатели обуславливают перспективы дальнейшего изучения темы: прежде всего, это систематизация как теоретических, так и эмпирических подходов к демографической культуре; проведение комплексного социологического исследования, направленного на анализ и оценку демографической культуры региональной молодежи (как количественными, так и качественными методами); оценка информированности о существующих мерах развития демографической культуры молодежи. Особую значимость может иметь ежегодный мониторинг демографической культуры молодежи с целью оценки ее динамики, рисков и потенциалов. Анализ динамических показателей демографической культуры региональной молодежи поможет расставить необходимые акценты социальной, молодежной и семейной политики.

Список источников

- Багирова А. П., Шубат М. О. 2017. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // Социологические исследования. № 7 (399). С. 126–131.
- Благорожева Ж. О. 2024. Матримониальные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. Т. 10. № 4. С. 89–110.
- Болдина М. Ю. 2021. Образовательная миграция современной российской молодежи (региональный аспект на примере Волгоградской области) // Социология. № 5. С. 102–110.
- Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. 2024. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. № 1. С. 40–55.
- Гареева И. А. 2023. Социальная обусловленность репродуктивного поведения населения // Власть и управление на Востоке России. № 1 (102). С. 101–110.
- Грунт Е. В., Титаренко Л. Г., Беляева Е. А. 2023. Выявление миграционных установок провинциальной молодежи: на примере учащихся российских и белорусских образовательных учреждений // Социология. № 1. С. 218–226.

- Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., Чупина И. П. 2023. Формирование демографической культуры молодежи как социальная проблема // Образование и право. № 11. С. 407–411.
- Локосов В. В., Ярашева А. В., Александрова О. А. 2024. Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения // Народонаселение. № 1. С. 192–205.
- Малышкина А. И., Кулигина М. В., Панова И. А., Рычихина Н. С. 2023. Самосохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ // Женщина в российском обществе. № 4. С. 113–122.
- Ромашева Ж. Ж., Калининченко О. В., Малышев И. В. 2021. Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. № 4 (40). С. 323–333.
- Ростовская Т. К. 2015. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. № 3. С. 46–52.
- Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. 2024. Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (73). С. 74–82.
- Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н. 2022. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 184–199.
- Самыгин П. С., Самыгин С. И., Каспаров А. Р., Тутова А. Н. 2021. Жизненное проектирование молодежи в условиях социальной неопределенности в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 3. С. 92–98.
- Соколова Э. Г., Павлов Б. С. 2009. Культура демографического поведения семьи как объект семейной политики. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. 213 с.
- Шаповалова И. С. 2023. Социальные стратегии молодежи: есть ответы на все вопросы // Социодиггер. Т. 4. Вып. 11–12 (30). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/socialnye-strategii-molodezhi-est-otvety-na-vse-voprosy> (дата обращения: 25.05.2026).
- Шаповалова И. С. 2024. Матримониальные диспозиции молодежи как объект социологического анализа // Научный результат. Социология и управление. Т. 10. № 4. С. 167–191.
- Шаповалова И. С., Заводян И. С. 2024. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. № 4. С. 768–792.
- Шаповалова И. С., Ковальчук О. В. 2025. Самосохранительные стратегии молодежи: реализация национальных проектов и интересов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. № 1. С. 33–41.

References

- Bagirova, A. P., & Shubat, M. O. (2017). parenting in the light of the students' views. *Sociological Studies*, (7), 126–131. [In Russian]
- Blagorozheva, Zh. O. (2024). Matrimonial strategies of regional youth. *Research Result. Sociology and Management*, 10(4), 89–110. [In Russian]

- Boldina, M. Yu. (2021). Educational migration of modern Russian youth (regional aspect on the example of the Volgograd region). *Sociology*, (5), 102–110. [In Russian]
- Vishnevsky, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., & Zyryanova, O. B. (2024). Matrimonial and reproductive attitudes of youth in the context of young family safety. *Woman in Russian Society*, (1), 40–55. [In Russian]
- Gareeva, I. A. (2023). Social conditioning of reproductive behavior of the population. *Power and Administration in the East of Russia*, (1), 101–110. [In Russian]
- Grunt, E. V., Titarenko, L. G., & Belyaeva, E. A. (2023). Identification of migration attitudes of provincial youth: On the example of students of Russian and Belarusian educational institutions. *Sociology*, (1), 218–226. [In Russian]
- Zhuravleva, L. A., Zarubina, E. V., Ruchkin, A. V., Simachkova, N. N., & Chupina, I. P. (2023). Formation of demographic culture of youth as a social problem. *Education and Law*, (11), 407–411. [In Russian]
- Lokosov, V. V., Yarasheva, A. V., & Aleksandrova, O. A. (2024). Factors forming the foundations for self-preservation behavior of the population. *Population*, (1), 192–205. [In Russian]
- Malyshekina, A. I., Kuligina, M. V., Panova, I. A., & Rychikhina, N. S. (2023). Self-preservation and reproductive strategies of modern students: A medical and sociological analysis. *Woman in Russian Society*, (4), 113–122. [In Russian]
- Romasheva, Zh. Zh., Kalinichenko, O. V., & Malyshev, I. V. (2021). Connection between basic values and emigration attitudes of Russian youth. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, (4), 323–333. [In Russian]
- Rostovskaya, T. K. (2015). Features of matrimonial behavior of the Russian youth. *Human in the World of Culture*, (3), 46–52. [In Russian]
- Rostovskaya, T. K., & Vasilyeva, E. N. (2024). Marriage, reproductive, self-preservation strategies of student families: According to in-depth interviews. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*, (1), 74–82. [In Russian]
- Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A., & Vasilyeva, E. N. (2022). Models of matrimonial and reproductive behavior of Russian youth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 184–199. [In Russian]
- Samygin, P. S., Samygin, S. I., Kasparov, A. R., & Tutova, L. N. (2021). Life planning of young people in the conditions of social uncertainty of the modern Russian society. *Humanities, Social-economic, and Social Sciences*, (3), 92–98. [In Russian]
- Sokolova, E. G., & Pavlov, B. S. (2009). *Culture of Demographic Behavior of the Family as an Object of Family Policy*. GOU VPO UGTU–UPI. [In Russian]
- Shapovalova, I. S. (2023). Social strategies of youth: There are answers to all questions. *Sociodigger*, 4(11–12). Retrieved May 25, 2026, from <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/socialnye-strategii-molodezhi-est-otvety-na-vse-voprosy> [In Russian]
- Shapovalova, I. S. (2024). Matrimonial dispositions of youth as an object of sociological analysis. *Research Result. Sociology and Management*, 10(4), 167–191. [In Russian]
- Shapovalova, I. S., & Zavodyan, I. S. (2024). Youth socio-selfie: Social strategies of regional youth. *Russian Journal of Regional Studies*, (4), 768–792. [In Russian]
- Shapovalova, I. S., & Kovalchuk, O. V. (2025). The self-preserving strategies of the youth: Implementation of National projects and interests. *The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, (1), 33–41. [In Russian]

Информация об авторе

Жанна Олеговна Благорожева, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
blagorozheva@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1119-9644>

Author information

Zhanna O. Blagorozheva, Cand. Sci. (Socio.), Associate Professor, Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
blagorozheva@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1119-9644>